

УДК 908(470.53)''1941/1945''

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ**Г. С. Мурсалимов¹**

Воспоминания о детстве военного времени в тыловом татаро-башкирском селе Кояново Молотовской области.

Ключевые слова: военное детство, с. Кояново, воспоминания.

Когда началась война, мне было 6 лет, сестре 3 года, а 4 июля 1941 г. появился брат. Жили бедно. Если уж предвоенные годы были не очень сыты, когда за маслом, сахаром, за многим другим стояли длинные очереди, то в военное время и подавно.

Жили мы в старинном татаро-башкирском селе Кояново, что расположено в 25 км к юго-востоку от Перми по Сибирскому тракту. Село это – родина моих предков, принадлежавших к крестьянскому сословию.

Дедушка мой в конце 20-х гг. вступил в колхоз. В личном же хозяйстве дедушки и бабушки в годы Отечественной войны было 6 соток огорода, корова и коза. Дедушка был глубоко верующим человеком. Несмотря на антирелигиозную политику властей, закрытие в селе обеих мечетей (одну из мечетей открыли только в 1948 г.), он соблюдал все мусульманские обряды и обычаи. Ежедневно пять раз совершал намаз (молитву), каждый из которых имел свое определенное время и состоял из отдельных молитв. Соблюдал посты.

Что касается моего папы, то он еще до революции, обучаясь в школе, получил религиозное воспитание. Коран, например, он знал почти наизусть. Но в советскую эпоху, будучи комсомольцем, а затем и коммунистом, он по отношению к религии занимал нейтральную позицию. Если бы ему тогда задали вопрос: «Каковы ваши отношения с Богом?» Он наверняка ответил бы как Вольтер: «Мы здороваемся, но не разговариваем».

Папа рос пытливым, смышленным парнем, но был очень горячим. В юности он дважды ломал одну и ту же ногу. После первого раза ногу ампутировали ниже колена, а после второго – выше. Передвигался он на протезе. Но несмотря на это, папа старался учиться. Окончив в селе школу крестьянской молодежи и проработав некоторое время в отцовском хозяйстве, поехал в Пермь, где учился в школе – девятилетке № 8, а в 1929–1932 гг. в Троицком педтехникуме, после окончания которого его направили в г. Магнитогорск.

Мама моя рано осталась сиротой и с малых лет работала няней в состоятельной крестьянской семье. К ней здесь относились уважительно, как к члену семьи. У мамы образование было начальное. Она читала и писала на основе арабской графики, освоила латиницу и кириллицу. Мама, кроме ухода за детьми, помогала хозяйке в домашних делах. Когда семью раскулачили и отправили в Нижний Тагил, хозяева маму взяли с собой. Но вскоре их дочь, с которой когда-то нянчилась мама, а теперь проживавшая в г. Свердловске (ныне Екатеринбург), попросила ее переехать к ней водиться с детьми. И мама оказалась в Свердловске. Здесь ее и разыскал мой папа. В июле 1933 г. они стали мужем и женой.

Опыт, полученный мамой в юности, очень пригодился ей в дальнейшем. Она научилась хорошо готовить, шить, вязать, рационально вести хозяйство, что помогло нам выжить в военное лихолетье.

В условиях военного времени хлебную карточку (500 г. хлеба в день) давали только папе – учителю семилетней школы. Остальные должны были жить за счет личного хозяйства. В хозяйстве нашем были корова, овца, коза, 5–7 гусей, несколько кур, 12 соток огорода. Ежегодно сдавали государству 44 кг мяса, 265 л молока, 75 шт. яиц, 750 г. овечьей и 243 г. козьей шерсти, 40 кг картофеля с каждой сотки. Оставшаяся продукция шла на нужды семьи.

Зарплата папы составляла около 400 руб. в месяц. Ее хватало на отоваривание хлебной карточки, покупку соли, керосина, мыла и других товаров первой необходимости. Рынок был недоступен. Здесь спекулятивные цены на хлеб доходили до 150 руб. за килограмм, на спички – до 15 руб. за коробок.

Чтобы содержать семью, папа вынужден был во время отпуска и летние месяцы устраиваться

на работу то библиотекарем в сельскую библиотеку, то счетоводом в правление колхоза. В свою очередь, колхоз выделял нам покос, правда на неудобных местах (овраги, луга, косогоры и т.д.).

Люди вокруг также с трудом сводили концы с концами, так что с детства я хорошо представлял положение простых тружеников. От голодной смерти спасала в основном картошка, а в летние месяцы выручала трава с лугов: одуванчик, крапива, лебеда, пикан.

В нашей семье тяжелее всего досталось сестре и брату. Сестра распухла от голода, брат заболел рахитом: исхудал, вздулся животик. По сравнению с ними, я легче перенес голодные годы, потому что был старше. Чувство голода подстегивало мое развитие, не давая душе пребывать в состоянии сытой успокоенности и лени. Я рос шустрым, целенаправленным пареньком. Как мог, я помогал родителям: пас гусей, убирал за скотиной, вывозил навоз в огород, участвовал в заготовке корма для скота, ходил в магазин за хлебом. За пайком хлеба стояли длинные очереди, проходило немало времени, прежде чем тебе отпустят желанный паек (в очередях за хлебом по подписям на ладошке познакомился с цифрами). Не обходилось здесь без шума и ругани, каждый хотел получить поскорее.

Неприятные воспоминания остались от того, как меня обижали уличные пацаны, обзывая «Ганс-фриц». От обиды я плакал и, жалуясь родителям, донимал их вопросом: почему они дали мне имя Ганс, ведь немцы наши враги? Папа на это отвечал, что врагами немцы стали сейчас, а до этого они таковыми не были, что до войны многие родители нарекли своих детей иностранными именами. Истину я узнал уже повзрослев. В 30-е годы, когда родители жили в Магнитогорске, сюда по контракту приехали немецкие рабочие. Большинство из них имели высокую квалификацию, они хорошо работали и помогали обучать многих молодых россиян. Вплоть до 1934–1935 гг. пропаганда последовательно и настойчиво убеждала советских рабочих учиться у иностранцев овладевать немецкой техникой. Немецкие рабочие сочувственно относились к советскому режиму и приехали в Магнитогорск движимые энтузиазмом и желанием полностью посвятить себя оказанию помощи в построении социализма. Местное население к ним относилось очень хорошо. В день моего рождения утром папа (в Магнитогорске он работал учителем) обрадованный зашел в учительскую и сообщил, что у него родился сын. Только вот не знает, как назвать его. Учителя почти хором предложили назвать его Гансом. Папа, отдавая должное немецкой пунктуальности и педантичности, согласился со своими коллегами. Хочу заметить, папа был большим оригиналом и интернационалистом. Из шестерых детей он троих назвал интернациональными именами: Ганс (1935 г.), Ниля (1938 г.), Марлис (1947 г.) и троих татарскими – Марсель (1941 г.), Динара (1945 г.), Фариды (1951 г.).

Думаю, что родители, давая имя, пытались определить мою судьбу. Я далеко не идеальный человек. Мне в какой-то степени присущи все человеческие слабости: апатия, депрессия, гордыня, тщеславие, зависть и др. В детстве я был и упрямым, и хитрым, и умным, и наивным, и глупости делал иногда. Так, однажды зимой на пруду я увидел замерзшую прорубь и из любопытства решил проверить крепость льда: топнул ногой и... провалился в прорубь. С большим трудом я выбрался из нее и мокрый с ног до головы прибежал домой. Мама тотчас меня раздела, растерла и отправила на печку прогреваться. Я запомнил, что она не ругала меня за это. Вообще она отличалась добротой, любила детей и всегда обращалась с нами с большой теплотой. Папа же мне запомнился как строгий, но справедливый человек. За мальчишеские шалости сурово наказывал. Так, в возрасте шести с небольшим лет, подражая взрослым, мы с соседними парнями начали баловаться куревом, причем вместо табака курили мох. Узнав об этом, папа мне так «всыпал», что я навек запомнил, что курить нехорошо, и на протяжении всей своей жизни я так и не прикоснулся к табаку.

Детство есть детство: хотелось иметь больше свободного времени, заниматься играми, всем тем, что душе угодно. А тут надо все время заботиться о еде. Много времени тратилось весной на сбор прошлогодних колосьев на полях. С незаполненным ведром возвращаться было стыдно, но детских сил и терпения не хватало, чтобы его заполнить. Приходилось прибегать к разного рода уловкам. Например, на дно ведра ложил фуражку, а сверху колоски. Тогда ведро заполнялось быстрее. Мама догадывалась о нашей хитрости, но не ругала.

Зимними вечерами при свете керосиновой лампы папа читал нам рассказы, сказки. Нам это очень нравилось, и каждый день мы с нетерпением ждали продолжения чтения. А мама знала много колыбельных песен, когда она пела их младшему брату, усыпляя его, мы с удовольствием тоже слушали.

Сейчас я удивляюсь, как папа находил время с нами заниматься. Работая в школе, он еще учился заочно на физико-математическом факультете Пермского государственного университета им. А. М. Горького. К сожалению, в 1942 г. ему пришлось оставить учебу: заели бытовые трудности, перегрузка общественной работой. Он был заместителем секретаря территориальной партийной организации, председателем месткома школы, руководителем агитколлектива села, агитатором во 2-й бригаде колхоза «VII съезд Советов». Везде надо было успевать, а ведь передвигался он на протезе. В военные годы вся политическая работа среди населения лежала на агитаторах. Они выпускали боевые листки, стенные газеты, еженедельно в бригадах и фермах колхоза проводили беседы о положении на фронтах. Особенно напряженно агитаторы работали во время сева и уборки урожая. Без их разъяснительной работы не обходились и в кампаниях по подписке на государственные займы СССР. На агитаторов была возложена работа среди жителей села по сбору теплых вещей для нужд фронта. Агитаторы, чтобы с них брали пример, должны были первыми принести вещи в сборный пункт. Так, папа в сентябре 1941 г. сдал козью шкуру, овчину и свою зимнюю шапку. Поэтому сам все военные и послевоенные годы зимой ходил в кепке.

В 1943 г. в возрасте 8 лет я пошел в школу. Школа была расположена в деревянном здании с печным отоплением, керосиновым освещением. Мальчишки были почти все одинаково одеты, через плечо висели сшитые мамами тряпичные сумки с учебными принадлежностями, чернильницами-непроливашками. Не хватало ручек, вместо них нам выдали тростниковые трубки, куда вставлялось перо. В младших классах нас учили писать пером № 86, передающим нажим и, напротив, легкость утончающейся линии. Такое перо, то есть выведенные им буквы, сообщали что-то о пишущем человеке, чего никогда не уловишь шариковой авторучкой и даже «селечкой», которой нам не разрешали писать из-за монотонности, безликости ее линий. Перышко № 86 и цвета было смугло-золотистого и сделано было из тонкого крепкого металла. А «селечка» была белая стальная и на конце имела круглую нашлепку, которая и мешала изменять толщину линий: ею не сделаешь крутой мотыльковый ус заглавной буквы «Д» и «Б» или тот же завиток, что должен венчать, прикрывая, как крыша, заглавные «Т» и «П». И совсем скучными получались бы у «селечки» «О» и «А», лишённые утолщения.

К школьному режиму в первое время нелегко было привыкнуть. К тому же постоянно хотелось есть. Имелись трудности с одеждой и обувью. Дело доходило до того, что некоторые дети переставали ходить в школу из-за отсутствия верхней одежды, валенок. Наша семья вышла из положения: меня одели в шинель, перешитую из солдатской, а головным убором была буденовка. А морозы в те зимы доходили до 40 градусов. Зато летние месяцы были славные – жарко, можно ходить босиком и почти раздетым.

В первый же день учитель познакомился с каждым из учеников, подробно расспросил кто и кем хочет стать после окончания школы, кто какие стихи или песни знает, попросив их рассказать, спеть. Ответы были и смешные, и серьезные. А песни в основном, частушки, которые распевались в семейном кругу.

В детстве мир не бывает хмурым. До самых краев он заполнен солнцем. Правда, в школе иногда имели место каверзные случаи. Опишу один эпизод. С нами учился парень, отец которого был репрессирован в 1937 г., как враг народа. В то время слово «отец твой сидит» звучали зловеще. Некоторые одноклассники время от времени ему об этом напоминали. От обиды парень плакал. Но нашлись сердобольные взрослые, подсказавшие ему выход из положения. Когда ребята вновь ему напомнили об отце, он спокойно отреагировал: «А Ленин тоже в тюрьме сидел». Все замолчали: против такого аргумента они были бессильны. И больше никто о тюремной судьбе его отца парню не напоминал.

Для достижения победы в войне потребовалось предельное напряжение всех сил наших людей. Из колхоза на фронт ушли почти все мужчины. Из села Кояново проводили 400 человек. Молодежь мужского пола 14–15 лет призвали (мобилизовали) в ремесленные и железнодорожные училища, в возрасте 16–17 лет – в школы фабрично-заводского обучения. Я хорошо помню – они не хотели уезжать в город, боялись расстаться с родительским домом. Но план, спущенный из райисполкома, надо было выполнять. Представители сельсовета, учебного заведения («покупателя»), участковый милиционер ходили по домам. Увидев их, подростки прятались кто в подпол, кто на сеновал, кто на чердак. Но их находили и увозили учиться. Что интересно, когда через некоторое время ребята приезжали на побывку домой, они гордо ходили по улицам села, браврируя форменной

одеждой с петличкой, где был обозначен вид учебного заведения (РУ, ЖУ, ФЗО) и его номер. Все, окончившие эти учебные заведения, обязаны были 4 года проработать на государственных предприятиях. Естественно, после этого они в село уже больше не возвращались, оставаясь в городах.

Многих трудоспособных односельчан по разнарядке районных властей направляли на лесозаготовки, торфоразработки и очистку железных дорог от снега. Эти работы не для всех заканчивались благополучно. Так, в 1942 г. на железнодорожной остановке «Кислотные дачи» на очистке дороги получила травму моя тетя Асия Мурсалимова – ей отрезало проходящим поездом обе ноги выше колена. Ей было тогда 20 лет.

Оставшимся на селе женщинам, подросткам и старикам приходилось выполнять ту работу, которая раньше выполнялась всем населением. Я помню, как Назия Тайсина, Магашия Габдрашимова, Габдулахат Апкин, окончив шестой класс, стали работать в колхозе. Среди трактористов преобладали женщины и девушки. Трактористы-мужчины почти все были представлены ребятами-допризывниками, которые по мере достижения призывного возраста уходили воевать. На их место заступали новые, которых готовили на ежегодных курсах при МТС, причем, разумеется, также готовили и девушек, затем заменявших мобилизованных. В результате число трактористок неизменно увеличивалось, а трактористов сокращалось. Естественным резервом для курсантов были прицепщики – так называли подростков, работавших на прицепном инвентаре – плугах, боронах, культиваторах, сеялках.

Работа на тракторах, особенно для молодых девушек, была нелегкой. В женской тракторной бригаде нашего колхоза трудились Замалия Апкина, Салиха Акбашева, Санига Мурасова, Салима Беляева, Мамдуда Тайсина. Возглавлял бригаду Халфат Апкин. Это были энергичные, никогда не унывающие трактористки, которым было в среднем лет по 20. Смело, но и не всегда без проблем, преодолевали они дорожные ухабы, направляя своих стальных «коней» на борьбу за урожай. Колесные трактора самой массовой тогда марки ХТЗ заводились вручную с помощью рукоятки, крутить которую многим девушкам и женщинам было не под силу. Если трактор глох в отсутствие бригадира, то на помощь к трактористке приходили прицепщики и да и вообще все, кто оказывался поблизости. Кто-нибудь из присутствующих – непременно самый сильный – брался за рукоятку, к ней прикреплялась заранее припасенная на такой случай крепкая веревка, за концы которой ухватывались все свидетели происшествия и резкими рывками помогали «крутильщику». При этом самым сложным было преодоление «мертвых точек» при горизонтальных положениях рукоятки. Рукояткой заводили трактор. Когда трактор неожиданно заводился, рукоятка вырывалась и веревка, за которую держались девушки, наматывалась на рукоятку. Здесь нужно было суметь очень быстро освободиться от веревки, иначе возможно прищемить пальцы, а может быть даже и сломать руки. Женские тракторные бригады ушли в историю. Из поколения тех отчаянных девчонок 40-х годов никого уже не осталось.

После первого класса меня послали в колхоз на прополку овощных культур. С этого времени (это был 1943 г., а мне было 8 лет) я ежегодно в летние каникулы, обувшись в лапти (благо плел их дедушка) работал в родном колхозе: сначала на прополке, прореживании и уборке овощей, а когда стал постарше – в полеводческой бригаде. Задания нам давали наравне со взрослыми. Поэтому приходилось работать весь день. А так хотелось в жаркие дни поваляться на травке, искупаться! Но мы понимали, что надо зарабатывать на пропитание. Голод, как говорится, не тетка. Давали же нам на трудодень 400 г. муки. Семья у нас была хоть и не маленькая, но самый взрослый из детей я, значит я главный помощник, на меня смотрели как на кормильца. И я был горд этим.

Жили трудно, бедно, познали нужду и горе. Удивляюсь, как только выжили!? А выжили благодаря тому, что по-доброму относились друг к другу, друг другу помогали.

Для нас, деревенских мальчишек, центром притяжения являлся конный двор. С лошадьми мы обращались так же умело, как городские дети с велосипедом. Это не так сложно – надо просто найти контакт с лошадью. С 7–8 лет нас сажали верхом на лошадь, причем у каждого была «своя лошадь». Не обходилось без происшествий. Однажды в обеденный перерыв я прибежал на конный двор, чтобы искупать, напоить коня, закрепленного за мной. Обратился к конюху: «Васька-поп абый, можно на пруд сводить коня?». Вместо ответа он хлестнул меня кнутом и прогнал вон. Я ничего не понял, почему он так поступил. Только, когда пришел домой и пожаловался родителям, папа мне объяснил: «Конюх поделом тебя отхлестал. Его имя Усман, а Васька-поп – прозвище». Я этого не знал, вот и поплатился. В дальнейшем я узнал, что многие селяне имеют прозвища, иногда

не очень приличные. Поэтому стал осторожнее и больше впросак не попадал.

Самые приятные воспоминания детства у меня связаны с тем, как мы с ребятами водили лошадей в ночное. Сначала мы, сидя на лошадях верхом, купали их в пруду, затем они паслись на пастбище. А на ночь мы им спутывали передние ноги, чтобы они не разбежались. Сами же разводили костер и пекли картошку. Ах! Какой она была вкусной и желанной в те годы!

В Отечественную войну и после нее лошадям многое пришлось вынести. В колхозе их кормили плохо, сена и того не хватало, не говоря об овсе. Работа же была на них. Лихую годину лошади переживали наравне с человеком.

Кроме пастьбы лошадей, любимым нашим занятием, наряду с игрой в «бабки», были игры в войну. Играли мы вечером и в свободное от работы время. Дружно жалели, что малы и не можем идти на войну, что война кончится без нас. Все наше детство было пропитано дыханием войны.

Судьба уберегала меня от дурного и пошлого. Босяком я входил в жизнь, но меня спасали страсть к чтению, участие в общественной жизни. Первой книгой, которую я прочел, была повесть «Так начиналась жизнь», а первым стихотворением, написанным татарским поэтом и прочитанным мной со сцены – «21-летний лейтенант». К сожалению, фамилии авторов, я не запомнил. Наш детский коллектив художественной самодеятельности выступал на сцене сельского клуба. Мы пели, декламировали стихи, плясали, строили пирамиды.

Кончилась война, но не кончилась тяжелая жизнь. Однако, это уже другая история.

Примечания

¹ Мурсалимов Ганс Салимович родился 25 марта 1935 г. В 1954 г. окончил с отличием Пермское татарское педагогическое училище, в 1959 г. – с отличием историческое отделение историко-филологического факультета Пермского государственного университета (ПГУ) им. А. М. Горького. В 1959–1961 гг. работал инструктором Пермского обкома профсоюза работников связи, рабочих автотранспорта и шоссейных дорог, инструктором организационно-массового отдела областного совета профсоюзов (облсовпрофа). С авг. 1961 г. – заведующий постоянно действующими профсоюзными курсами обсовпрофа (ныне – Региональный учебный центр профсоюзов). В 1967 г. в Московской высшей школе профсоюзного движения ВЦСПС защитил кандидатскую диссертацию. С 1968 г. – старший преподаватель, доцент, заместитель заведующего кафедрой истории КПСС ПГУ. Одновременно в 1971–1974 гг. был заместителем заведующего отделом науки и учебных заведений Пермского обкома КПСС. В 1974–1984 гг. – заведующий кафедрой истории КПСС Пермского фармацевтического института. В 1984–1999 гг. – заведующий кафедрой истории СССР (новой истории России) ПГУ, 2000–2002 гг. – доцент той же кафедры. Автор более 110 научных публикаций. В настоящее время занимается краеведческой работой, является членом объединенного совета краевых архивов и ученого совета Пермского краеведческого музея.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.06.2010